

УДК 334.713 (470.311) «19/20»

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-135-144

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ЗВЕНИГОРОДСКИЙ УЕЗД) В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Мамедова Т.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития кустарных промыслов, связь их с природными и социально-экономическими особенностями Звенигородского уезда Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. Выделяются и описываются характерные особенности развития кустарных промыслов региона на фоне специфики развития Московской губернии в пореформенные годы. Автор рассматривает задачи государственной политики в области кустарного производства, анализирует процесс трансформации хозяйственного строя кустарей Московской губернии в общем контексте модернизации экономики России.

Ключевые слова: земство кустарная промысел промышленность, отхожий промысел, крестьянское хозяйство, заводы Московской губернии, пореформенная Россия.

COTTAGE INDUSTRY IN THE CONTEXT OF MOSCOW PROVINCE (ZVENIGOROD DISTRICT) DEVELOPMENT IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

T. Mamedova

*Moscow Region State University
10A, Radio str., Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract. The article considers the features of development of the homecrafts and the connection of Zvenigorod district of Moscow province with their natural, socio-economic characteristics in the late XIX - early XX centuries. The characteristics of homecrafts development in the region based on the specifics of the development of Moscow province in the years of the reforms are singled out and described. The author examines the tasks of the state policy in the field of handicraft production, analyzes the process of transformation of the handicraftsmen's economic system in Moscow province in the general context of the Russian economy modernization.

Key words: cottage industry cottage industry, seasonal occupation, peasant economy, Moscow province, Russia in the years of the reforms.

История возникновения кустарной формы производства в разных странах, местностях и отраслях имеет свои особенности. Время появления кустарных промыслов также специфично для каждой конкретной страны или региона и зависит от их социально-экономического развития. Российская кустарная промышленность конца XIX – начала XX столетия представляла собой сложное социально-экономическое явление, существование которого зависело от множества факторов.

Для того, чтобы лучше представить себе развитие кустарной промышленности Звенигородского уезда Московской губернии в конце XIX в., а также выявить объективные закономерности, специфические особенности, определявшие цели, задачи и содержание деятельности государственных органов по её развитию, необходимо, на наш взгляд, проанализировать обстановку в стране и условия жизни ремесленников. Конкретно-историческая картина социально-экономического устройства промышленного производства Московской губернии конца XIX – начала XX вв. представляла собой сложное переплетение и взаимовлияние различных по своей природе реалий.

Московская губерния являлась в XIX в. крупнейшим в стране политическим, научным, промышленным и культурным центром. Росла промышленность капиталистического типа. На 1898 г., по итогам обследования, в Московской губернии численность кустарей и ремесленников составляла 185990 чел., а мелких промышленников на 10 тыс. сельского населения – 755,3 чел. По данным А.А. Рыбникова [12, с. 4], по этому показателю Москов-

ская губерния занимала второе место после Вятской.

Для более глубокого понимания причин широкого развития кустарного производства необходимо рассмотреть состояние крестьянского хозяйства. Ещё в 1708 г. при Петре I Московская губерния была разделена на 13 уездов: Богородский, Бронницкий, Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский, Можайский, Московский, Подольский, Рузский, Серпуховский. В развитии экономических отношений того или иного региона существенную роль играет его географическое положение, а точнее, природно-климатические условия, территориальные особенности. Природа и климат не были благоприятны для занятия земледелием, поэтому Московская губерния относится к числу неземледельческих районов страны.

Важнейшим следствием географического положения России является краткость периода, пригодного для сева и уборки урожая. Так, в Московской губернии этот период составляет пять с половиной месяцев в году (с середины апреля до конца сентября). В Западной Европе, для сравнения, этот период длится 8–9 месяцев [8, с. 15]. Основным фактором климата Московского региона являются атлантические циклоны с очень длительными осадками летом и оттепелями зимой. В холодное время года западными циклонами обусловлено до 77% периода сплошной облачности, а летом – до 43 % [4, с. 162]. Вместе с тем для этой зоны характерно и мощное влияние арктического воздуха с севера. Стойкие арктические антициклоны приводят к частым суровым зимам. Для

подмосковной зоны также характерны резкие смены погоды. Потепление, означающее исход зимы, чаще всего наступает с третьей декады марта вследствие вторжения воздушных масс Средиземноморья. процесс потепления тормозится вторжением арктических ветров. Поэтому весна здесь бывает и ранняя, и поздняя (со 2 апреля). Ранняя весна часто сопряжена с холодным июнем, но чаще, конечно, вёсны были поздними. Практически ежегодно в первой декаде мая происходят вторжения арктических масс воздуха, что ведёт к ночным заморозкам.

Лето в столичном регионе наступает с середины июня и заканчивается в середине сентября. Весьма часто оно холодное и дождливое. Наиболее дождливые месяцы – это разгар лета (июль и август), когда выпадает четвертая часть годичной нормы осадков. Незначительные изменения в распределении осадков могут обернуться засухой весной и ранним летом, за которым следуют катастрофические ливни в уборочную. Средняя температура июля +19°C, летний температурный максимум +32°C. В статистическом ежегоднике Московского губернского земства отмечалось: «Лето 1884 года, как и весна, отличались крайне ненормальными метеорологическими условиями, вызывавшими неблагоприятные последствия в сельском хозяйстве. Летняя погода, как и весенняя, была дождливая и холодная. В июне было не более 12 погожих дней, в июле всего 7 и в августе 11. Описанное состояние погоды крайне неблагоприятно отразилось на урожае» [15, с. 1–2]. Негативные атмосферные условия, преобладание малоплодородных подзолистых и почв приводят к незначительным уро-

жаям. Уровень урожайности в уездах Московской губернии был несоизмерим с массой вложенного в него труда.

О тяжёлом положении крестьян Московской губернии говорят такие источники, как периодическая печать, многочисленные отчёты корреспондентов и статистические материалы конца XIX – начала XX вв. Газета «Новое время» с тревогой писала, что: «... огромное количество русских деревенских граждан хронически каждую весну испытывает злой недоед». Один из земских корреспондентов докладывал, «что даже в самые хорошие по урожаю годы, значительная часть крестьянского населения Московской губернии не прокармливается круглый год своим хлебом; при среднем, обычном урожае, с крестьянских наделов собирается такое количество ржи, которым может прокормиться только половина всего крестьянского населения губернии. С необходимостью покупать хлеб весной и летом крестьяне сталкиваются ежегодно, и это бедствие почти не тяготит их – раз только имеются порядочные внеземельческие заработки, имеется корм для скота и рыночная цена на хлеб не высока» [5, с. 11].

Низкое качество почв, плохие урожаи в Московской губернии не только не способствовали развитию товарного сельского хозяйства, но даже не удовлетворяли продовольственные потребности крестьян в течение года. Это послужило одной из причин их потребности заниматься кустарной деятельностью. Малоземелье в Московской губернии усугублялось низким качеством земли, тяжелыми природно-климатическими условиями, что повлияло на эффективность занятий земледелием крестьянами Московской

губернии в конце XIX – начале XX вв.

По данным местного обследования Московской губернии за 1898–1900 гг. под крестьянскими надельными землями в Московской губернии находилось 1590532 десятин земли. В 1858 г. в среднем на душу мужского пола приходилось 3,21 дес. К 1877–1881 гг. обеспеченность земель крестьянского населения сократилась до 3,00 десятин, в 1898–1900 гг. в среднем на 1 душу мужского пола уже приходилось 2,39 дес. т.е. на 25,5% менее чем в 1858 г., и на 20,4% менее по сравнению с 1877–1881 гг. [6, с. 34]. Таким образом, надел, полученный крестьянином после реформы 1861 г., за двадцать лет уменьшился почти в 1,5 раза. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что при выходе на волю крестьяне Московской губернии получили значительно меньше (на 40%) земли на душу населения, чем в среднем по Европейской России.

Таким образом, из губерний, соседствующих с Москвой, только по одной Тульской губернии душевой надел был ещё ниже, чем в Московской. Однако уже через 20 лет (к 1880 г.) средний душевой надел по Московской губернии превышал соответствующий показатель Рязанской, Тульской и Калужской губерний. Исследования конца XIX – начала XX вв. объясняют это слабым приростом крестьянского населения по Московской губернии. К 1900 г. душевая земельная обеспеченность по Московской губернии значительно приблизилась к среднему душевому наделу по всем 50 губерниям Европейской России [7, с. 12].

Далеко не все крестьяне пользовались землёй. Из общего числа 245347 приписных крестьянских семей обра-

батывали свой надел лично и с помощью найма рабочей силы всего 170593 или 69,5% от общего числа. Остальные крестьянские семьи или не пользовались своим наделом, сдавая его в аренду, или принадлежали к категории безнадельных крестьян. Такие семьи не были связаны с земледелием и жили за счёт промысловой деятельности. Одним из показателей состояния сельского хозяйства губернии являлось число безнадельных семей. Безнадельные семьи в уездах Московской губернии составляли по отношению к общему числу приписных семей 18,3%. По отдельным уездам процент безнадельных семей подвергался крупным колебаниям.

Более высоким числом безнадельных семей в процентном отношении выделялись северные и западные уезды Московской губернии – Дмитровский, Рузский, Звенигородский, Волоколамский, Клинский и Серпуховской на юге. Наименьший процент безнадельных семей наблюдался в Богородском, Подольском уездах. Это объясняется характером промысловой деятельности. В районах с наивысшим процентом безнадельных семей крестьяне занимались отхожим промыслом, что вело постепенно к ликвидации земледельческого хозяйства. В районах, где процент безнадельных семей оставался низким, широко развивались местные промыслы, что создавало для населения возможность сохранять за собой земельные наделы, дополняя земледельческий заработок промысловым [10, с. 36].

Слабая аграрная ориентация Московской губернии отражалась в первую очередь в структуре земельных угодий: на лесные массивы и не-

удобные для сельскохозяйственного производства почвы приходилось более половины общей площади земельных угодий (53,11%), тогда как доля пашни составляла 34,15%. Обеспеченность населения сельскохозяйственными угодиями (пахотными, луговыми, и прочими удобными для использования землями) в расчете на душу населения была невысокой – в среднем 1,35 дес., и обуславливала как заинтересованность крестьян в приобретении земли, так и избыток рабочих рук в аграрном секторе. Первое из указанных обстоятельств проявлялось в мобилизации земельной собственности и характере землепользования. Кроме надельного землевладения, значительную часть территории занимали частные владения, в составе которых доля крестьянской собственности – личной и коллективной (соответственно, 20,68% и 14,15%), превзошла к 1905 г. относительные размеры дворянского (32,66%), купеческого (17,25%) и мещанского (4,35%) землевладения [3, с.7]. Вызванное подрывом феодальной монополии перераспределение земельной собственности в Московской губернии проходило сравнительно высокими темпами, и с начала проведения реформы в 1861 г. до 1910 г. убыль дворянских земель в регионе составила 61,30% [3, с. 36].

Вместе с тем для Московской губернии к концу XIX в. была очевидной проблема избытка трудовых ресурсов сельского населения, составлявшая 45,8% [13, с. 67]. Иными словами, в столичной губернии почти половина взрослого мужского населения вытеснялась из аграрного сектора в связи с необходимостью найти объекты приложения своего труда в промышлен-

ности и торговле, неземледельческих промыслах.

Решение этой задачи облегчалось наличием в Московской губернии оживлённых транспортных магистралей. Большую роль в промышленно-торговом развитии края играли водные артерии: судоходные реки Ока, Москва, Клязьма, использовавшиеся местами и как сплавные. Посредством шоссейных, грунтовых дорог большая часть этих водных путей связывалась с железнодорожными линиями, самыми загруженными из которых по праву считались Московско-Архангельская, Московско-Казанская, Московско-Брестская железные дороги.

Москва, как центр общероссийских путей сообщения, обладала целым рядом преимуществ для предпринимательской деятельности, достигнув к началу века настолько высокого уровня ее развития, что он принципиально влиял на показатели торгово-промышленного развития региона в целом: в расчёте на душу населения сумма промышленного оборота понижалась на 33, 64% при исключении из нее капиталов из Москвы, а аналогичный показатель активности торговых операций сокращался более чем на две трети [14, с. 22]. В столице шла оживлённая купля-продажа предметов мануфактуры, на долю которой приходилось 87,23% общегубернской суммы капиталов по этой группе товаров, а также торговля свечами, разнообразным кожаным товаром, мебельным и т.д.

В целом же торговый оборот столицы достигал огромной суммы – 854,46 млн. руб., промышленный – 317,75 млн. руб., что в совокупности составляло более десятой части (11,5%) общероссийского оборота капиталов.

Москва являлась самым обширным резервуаром внутренних промышленных и торговых капиталов. В неё стекались со всех концов России торговцы товарами, туда же шло громадное количество сырья для перепродажи и переработки на многочисленных фабриках, как в самой Москве, так и в окрестных городах и сёлах. В Москве издавна сконцентрировались в разных слоях её населения запасы практических, технических знаний и находились наиболее предприимчивые руки, устраивавшие промышленные заведения не только в Москве, но и вне её [1, с. 76].

Данные транспортной статистики об участии Московского железнодорожного района в перевозке кустарных грузов свидетельствуют, что по его магистралям осуществлялась транспортировка 47,20% общероссийского объёма перевозок соответствующего мануфактурного товара и ткацких изделий; 62, 86% пряжи бумажной, крашеной, белёной, суровой и 78,35% пряжи льняной, пеньковой [9, с. 22].

Почвы Московской губернии богаты разнообразными полезными ископаемыми. Решающим фактором размещения промыслов в сельской местности служила близость к источникам сырья, сравнительная доступность его получения. В Подмосковном угольном бассейне, богатом также запасами известняка, огнеупорной и горшечной глины, гипса, кварцевого песка, развивались соответствующие отрасли промышленности: фарфорово – фаянсовое производство в Бронницком и Богородском уездах; стеклянно-хрустальное – в Клинском, Рузском, Дмитровском уездах; цементное – главным образом, в Московском,

а также гончарное и кирпичное, представленное практически повсеместно как в крупной фабрично-заводской форме, так и в виде мелких предприятий, в том числе кустарного типа. Наличие в Подмосковном бассейне бурого железняка, неглубоко залегавшего под песчано-глинистыми породами и доступного открытому способу добычи, обеспечило появление в Волоколамском, Бронницком, Подольском уездах кузнечного, проволочного, гвоздильного, замочного, ножевого производства, часть которого широко использовала труд кустарей [9, с. 22].

Московский регион производил впечатление «основного кустарного» в России, и причины этого заключались в «богатстве культурно-промышленных традиций у населения». Даже такой психологический фактор, как консервативность деревенского уклада, играл существенную роль в сохранении одних и тех же промыслов на протяжении длительного периода, правда, ограничивал совершенствование некоторых промыслов. «Население на многие десятки лет застывает в определённых формах промысловой деятельности, продолжает их из года в год нередко как бы в силу одной инерции и зачастую нуждается в резком толчке, в коренном изменении рыночной конъюнктуры, чтобы выйти из назеженной колеи...» [9, с. 22]. Во многих крестьянских семьях поддерживались традиции не только домашнего ткачества, но и прядения, не говоря уже о вышивании, шитье, т.е. занятиях, типичных для сельского населения. Особо хочется отметить роль обрядовых праздников. Большинство из них приходилось на осенне-зимний период. «Осенью у крестьян появляется силь-

ная нужда в деньгах...храмовые праздники, свадьбы имеют место быть преимущественно в это время» [15, с. 98]. С этим росла интенсивность работы в кустарных промыслах в указанный период.

Русско-японская и Первая мировая войны изменили условия производства, сырьевые и сбытовые рынки. Одни промыслы стали развиваться интенсивным образом, другие – перестраиваться и видоизменяться, третьи, не имея возможности перестроиться, «замерли», законсервировались на достигнутом уровне. Корреспондент «Торгово-промышленного вестника» пишет: «В первой половине 1914 г. был промышленный подъём, начало которого относится еще к 1909 г. Затем, с началом военных действий в положении нашей промышленности произошло заметное ухудшение» [2, с. 132]. Менялось отношение к кооперационным процессам: «Война 1914 г. еще более подчеркнула важность кооперации. В текущем году (1915) исполняется 50 лет с того момента, когда общественная самодеятельность русского народа вылилась в форму кооперации. Статистические данные, приводимых «Вестником кооперации» таковы: к 1 января 1915 г. состояло кредитных кооперативов – 14 350; потребительских обществ – 10 900; с/х обществ — 5000; кустарных артелей – 600... О мощном развитии кооперативов говорит еще и та сумма, которой кооперативные организации обладают, именно около 900 млн. руб» [11].

После Великих реформ и во время войн, которые вела Российская империя в начале XX в., в Звенигородском уезде мануфактуры в помещичьих усадьбах также пришли в упадок, зем-

леделие было заброшено из-за плохого качества земли. Развивались садоводство и кустарные промыслы, прежде всего вязание, затем изготовление мебели, игрушек и т. п. Один из промыслов Звенигорода стал известен на всю страну — это производство струнных музыкальных инструментов, инициатором которого стал крестьянин села Шихово Емельянов. Данным промыслом занимались исключительно мужчины. Работали восемь месяцев в году. В книге «Московское губернское земство в полувековую годовщину основания земских учреждений. 1864–1914», отмечалось – «промысел музыкальных инструментов сосредоточился в Звенигородском уезде в Шараповской волости, в селениях Белозерово и Татарки, и в Ягунинской в селениях Луцино и Шихово».

После того как исследователь, музыкант и подвижник В.В. Андреев реконструировал случайно найденный в 1896 г. в Вятской губернии музыкальный инструмент, назвав его «домрой» и затем на ее основе в содружестве с мастерами Ф.С. Пасербским и С.И. Налимовым создал целое семейство домр от пикколо до контрабаса, мастера Шихова стали мастерить и эти инструменты. Причем шиховский мастер С.Ф. Буров в 1908 г., по предложению дирижера Г.П. Любимова, для увеличения звукового диапазона трехструнной домры сконструировал первую четырехструнную домру с квинтовым строем. В 1914 г. из таких домр был организован квартет, а в 1919 г. – оркестр. На протяжении 1912–1931 гг. мастером было сконструировано семейство четырехструнных домр квинтового строя. В фондах музея имени М.И. Глинки хранятся 14 инструментов С.Ф. Бузова

– 7 домр, 6 лир-мандолин и балалайка. Кроме промысла по изготовлению щипковых народных инструментов, в деревне Шихово были предприятия по изготовлению «барашка» (колки для гитары), портновское заведение, мастерские по изготовлению зеркальных рамок.

Из промышленности в конце XIX в. в уезде больше всего было суконных фабрик, затем кожевенных и кирпичных заводов и ткацких фабрик. Промышленность давала пропитание 3%, а кустарные промыслы — 9% населения уезда. Жители самого города, насчитывавшего 4000 человек, занимались в основном огородничеством. В целом город и уезд были одними из наименее развитых в губернии. В 60-е гг. XIX в. в деревне Шарапово Звенигородского уезда возникает ещё один промысел, который отличал этот уезд – часово́й. Его организаторами явились местные крестьяне Петр Егоров, прежде работавший отходником на оптическом заводе в Москве, и Герасим Афанасьев. Они наладили здесь производство ходиков и настенных часов. До 1875 г.,

по воспоминаниям самого Герасима Афанасьевича Афанасьева – основателя первой шараповской мастерской по выделке часов, в деревне выпускали ходики лишь в трех избах. Но уже тогда промысел быстро перекинулся и в соседние селения – Ястребки и Ягунино. Домохозяева и члены их семей вырабатывали до 1500 штук часов в год. Свое умение часовщика Г.А. Афанасьев привез из-за границы. Первые настенные часы с боем он сделал во Франции, куда, по всей вероятности, был послан с каким-то поручением от завода, когда еще работал в Москве. Эти часы показывали не только время, но и числа месяцев.

Такова была специфика социально-экономического развития Московской губернии в пореформенную эпоху. Она позволяет понять задачи государственной политики в области кустарного производства, рассмотреть процесс трансформации хозяйственного строя кустарей Московской губернии в общем контексте модернизации экономики России второй половины XIX – начала XX столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурышкин П.А. Москва купеческая: мемуары. М.: Высшая школа, 1991. 352 с.
2. Деятельность Министерства Торговли и Промышленности // Торгово-промышленный вестник. 1915. № 9. С. 61–69.
3. Материалы по статистике землевладения в России. Вып. 24: купля-продажа земель в Европейской России в 1909–1915 гг. СПб.: Тип. Киришбаума, 1915. 90 с.
4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности Российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
5. Московская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1891 г. М.: Московское губ. земство, 1891. 238 с.
6. Московская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1900 год (с окт. 1899 г. по окт. 1900 г.). М.: Московское губ. земство, 1902. 208 с.
7. Московская губерния по местному обследованию 1898–1900 гг. Земледельческое хозяйство и промыслы крестьянского населения. Вып. 2: Промыслы. М.: Стат. отд. Московской губ. земской управы, 1907. 659 с.
8. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.

9. Перелешин В.А. Движение кустарных грузов по российским железным дорогам. СПб.: тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1911. 107 с.
10. Полянская Т.М. Отхожие промыслы крестьян Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 212 с.
11. Рост кооперации // Торгово-промышленный вестник. 1915. № 9. С. 41–49.
12. Рыбников А.А. Мелкая промышленность и её роль в восстановлении русского народного хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1922. 52 с.
13. Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб.: Канц. Кабинета министров, 1894. 41 с.
14. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 2. СПб.: Центральный стат. комитет, 1881. 110 с.
15. Статистический ежегодник Московского губернского земства 1884 г. М.: [б/и], 1885. 487 с.

REFERENCES

1. Buryshkin P.A. [Moscow merchant: memoirs]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 352 p.
2. [The activities of the Ministry of Trade and Industry]. *Torgovo-promyshlennyi vestnik*, 1915, no. 9, pp. 61–69.
3. [Materials for statistics of the movement of land ownership in Russia. Issue 24: purchase and sale of land in European Russia in 1909–1915 years]. SPb., Tip. Kirshbauma Publ., 1915. 90 p.
4. Milov L.V. [Great Russian ploughman and peculiarities of the Russian historical process]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 576 p.
5. [The agriculture of Moscow province in 1891]. Moscow, Moskovskoe gub. zemstvo Publ., 1891. 238 p.
6. [The agriculture and industry of Moscow province in 1900 (since Oct. 1899 till Oct. 1900)]. Moscow, Moskovskoe gub. zemstvo Publ., 1902. 208 p.
7. [Moscow province by local survey 1898–1900. Farms and crafts of the peasant population. . no. 2: Promysly. Moscow, Stat. otd. Moskovskoj gub. zemskoj upravly, 1907. 659 с.
8. Paips R. [Russia under the old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1993. 424 p.
9. Pereleshin V.A. [Movement of artisanal goods by Russian Railways]. SPb., tip. inzh. G.A. Bernshteina Publ., 1911. 107 p.
10. Polyanskaya T.M. [Seasonal work of the peasants in Moscow province in the late XIX – early XX centuries: dis. ... kand. ist. sci]. Moscow, 2008. 212 p.
11. [The growth of societies]. *Torgovo-promyshlennyi vestnik*, 1915, no. 9, pp. 41–49.
12. Rybnikov A.A. [Small-scale industry and its role in restoring the Russian national economy]. Moscow, Kooperativnoe izdat., 1922. 52 p.
13. [A set of statistics concerning the economic status of the rural population of European Russia]. SPb., Kants. Kabineta ministrov, 1894. 41 p.
14. [Statistics of the landed property and inhabited places of European Russia]. Iss. 2. SPb., Tsentral'nyi stat. komitet, 1881. 110 p.
15. [Statistical Yearbook of the Moscow gubernia Zemstvo 1884]. Moscow, [b/i], 1885. 487 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедова Татьяна Ивановна – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: zokmti@mail.ru

Tatyana I. Mamedova – Post-graduate student of the Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: zokmti@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мамедова Т.И. Кустарная промышленность в контексте условий развития Московской губернии (Звенигородский уезд) в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 135–144.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-135-144

FOR CITATION

T. Mamedova. Cottage Industry in the Context of Moscow Province (Zvenigorod District) Development in the Late XIX – Early XX Centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 135–144.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-135-144